

На следующий день после урока Патрик Уилсон, взяв всю свою смелость в кулак, подошёл к мистеру Говарду и спросил, кто же такой всё-таки был этот Малкольм Пэрриш. В мгновение учитель помрачнел.

— Это очень долгая и печальная история. Пойдём в мою комнату, я скажу остальным учителям, что ты выполнял мои поручения и не пришёл на их уроки именно поэтому.

В комнате мистера Говарда было уютно, но строго, там пахло деревом и кофе. Налив Патрику чашку крепкого кофе, мистер Говард продолжил.

— В 80-х он был лучшим учеником академии, душой компании, им гордилась семья, ему пророчили успешное и счастливое будущее. Я в то время был его одноклассником и лучшим другом, почти братом.

Малкольм Пэрриш был личной знаменитостью академии: образцовый ученик, всегда вежливый, никогда не спорил с учителями, не пропускал ни одного урока. После выпуска я понял, что такие парни популярны среди женского пола: он был худощавым, не особо высоким, с тёмными волосами и серыми глазами, носил очки для зрения, почти закрывающие широкие брови, а с наступлением весны у него на носу и щеках появлялись веснушки. Казалось бы, обычный парень, но что-то в нём было такое, что притягивало людей прямо магнитом.

На самом деле он не был таким паинькой, как многие думали: просто бунтовал он тихо, незаметно, скорее, внутри себя, «выражал внутреннее несогласие», как сказали бы учителя обществоведения.

Иногда он выглядел очень печальным, но мне всегда казалось, что он просто думает о чём-то. Никогда не замечал грусти и озадаченности в его глазах. Через пару лет я понял, сколько же отрешённости было в этих глазах, но об этом позже.

Всю его жизнь, увы, недолгую, рассказать я не смогу: мы познакомились, когда нам было по 16. Думаю, именно этот период жизни Пэрриша будет тебе интересен.

Наша дружба походила на взаимоотношения ребят из «Общества мёртвых поэтов»: мы были соседями по комнате, вместе читали книги, которые никак не относились к школьной программе, вместе рассуждали о чём-то высоком. В очень редкие моменты нас бывало трое: я, Малкольм Пэрриш и Грегори Диккенс.

Мы были совсем непохожими друг на друга: пухлощёкий (хотя он был довольно худым) Грегори был мечтателем до мозга костей, я в 16 лет уже знал, как сложится моя жизнь, а вот потерю зрения к 45 годам предсказать не смог, а Пэрриш, казалось, даже не задумывался о том, что будет завтра, всегда жил мгновеньем. Хотя, судя по письму, которое ты нашёл, будущая жизнь его всё-таки волновала.

У Пэрриша была хорошая семья. Правда отец был очень строгим, но его можно было понять: сына ждало большое будущее. Его мать была чистейшей души женщина, она всегда улыбалась, а его старший брат был военным, очень серьёзным человеком, но всё равно он всегда находил время на младшего брата и веселье с ним.

Мы познакомились в 88-м году, когда моя семья решила, что моим обучением в последние годы перед поступлением должны заниматься в невероятно пафосной мужской академии «Вестфилд». Мне несказанно повезло: я стал соседом Малкольма Пэрриша, легенды о котором ходили по всей академии. На деле, когда я вошёл в комнату, за письменным столом сидел сосредоточенный растрёпанный парень в больших очках и твердил что-то на латыни себе под

нос. Услышав, что кто-то вошёл, он сразу же поднял взъерошенную голову от книг и широко улыбнулся.

— Привет! Ты — Адам Говард, верно?

— Да, именно... А ты — Малкольм Пэрриш? — я протянул руку для приветствия.

— Просто Пэрриш, — он пожал мою руку и потряс ей, — Не люблю, когда называют по имени — оно слишком сложное, а в сочетании с фамилией звучит как-то несуразно! — Пэрриш улыбнулся и плюхнулся на кровать.

Я выложил вещи, а Пэрриш отдал мне полный комплект учебников, которые теперь должны были стать моими.

Когда в комнату тихо протиснулась кудрявая голова с пухлыми щеками, которая, как оказалось, принадлежал Грегори Диккенсу, Пэрриш познакомил и нас. И вот, нас стало трое: будущие юрист, медик и профессор. На самом деле, я и Малкольм свободно обходились без Грегори: он часто уезжал куда-то и пропускал уроки.

На уроках нагрузки были невероятными: вам сейчас гораздо проще учиться, чем в 80-х или 90-х. Даже учебники стали легче, а информации в них столько же. Учёбу Пэрриш не очень любил, но островком эмоциональной разгрузки и счастья для него был урок английской литературы. Он всегда с радостью читал и писал, брал дополнительные задания. В такие моменты он был настолько счастлив, насколько человек может быть таковым. Однажды он сказал мне, что хотел бы связать свою жизнь с литературой, но сразу же он понял, что это бредовая идея: отец никогда не разрешит будущему юристу писать «рассказы и стишочки». Но Пэрриша это не волновало, ведь можно же заниматься писательством непрофессионально; к тому же, его отец бы не узнал о хобби сына: родители практически никогда не приезжали. Всё, что происходило в академии, оставалось в академии.

Пэрришу хотелось свободы прямо сейчас, а не после окончания учёбы, как говорил его отец. Конечно же, все мы жили в ежовых рукавицах родителей, а в крови играли гормоны, душа требовала бунтарства. Мне кажется, ты понимаешь, о чём я говорю. Подростки во все времена мыслят и действуют одинаково.

Он был мыслителем, таким, которые рассуждают о том, что же такое свобода для человека, что она для каждого своя, и человек должен считать смыслом своей жизни полную свободу. Для него было 2 вечных темы для разговора: свобода и мечта.

Думаю, предысторию я закончил. Теперь я буду пытаться вспомнить последние месяцы, которые мы провели вместе.

<http://tl.rulate.ru/book/22354/461377>